

Правопонимание в условиях смены типов научной рациональности



**Николай Викторович
Разуваев**

главный редактор
журнала «Теоретическая
и прикладная юриспруден-
денция», заведующий
кафедрой гражданского
и трудового права СЗИУ
РАНХиГС, доктор юриди-
ческих наук

Знаменательность текущего состояния правовой реальности во многом определяется его переходным характером, оказывающим значительное воздействие на все сферы юридической коммуникации — будь то доктринальная коммуникация или прикладная, практическая деятельность. И подобно любым иным изменениям, особенно имеющим столь глобальный характер, как те, что наблюдаются в настоящее время, трансформация правопорядка является серьезным вызовом научному мышлению, требующим проблематизации используемых категорий и переоценки большинства сложившихся представлений.

Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, обусловлены непрекращающиеся дискуссии о модерне, постмодерне, постпостмодерне и иных состояниях права, на первый взгляд, призванные способствовать преодолению неопределенности юридической доктрины, но на деле приводящие лишь к углублению идейного и методологического кризиса, в котором находится теоретико-правовой дискурс. В этом нет ничего, что было бы способно вызвать недоумение. Ведь, оставаясь по-прежнему «спором о названиях», дискуссия о том состоянии правовой реальности, которое гипотетически должно прийти на смену затянувшемуся постмодерну и тем самым привнести в правопорядок долгожданную определенность, будучи зачастую лишенной содержательного измерения и глубины, не приводит к открытию новых перспектив, но, порождая дополнительные понятия, плодит лишь такие сущности, о которых давно было сказано, что их не следует множить без необходимости: «Non sunt etia multiplicanda sine necessitate»¹.

Сказанное, впрочем, не означает отсутствия смысла в попытках прогнозировать будущее, в том числе путем теоретического осмысления во многом неясных и противоречащих друг другу тенденций, которые характеризуют взаимодействия участников правовой коммуникации, конструирующих правопорядок при помощи становящихся все более многообразными знаковых средств, включая и такие принципиально новые для юридической практики средства, как цифра. Именно последняя привлекает все более пристальное внимание и вызывает особенный интерес, причем не только со стороны социальных теоретиков, вот уже более полувека обсуждающих проблемы трансформации постиндустриального общества в общество технологическое, а последнего, в свою очередь, в общество знаний², но и со стороны культурологов и философов культуры, казалось бы, озабоченных более традиционной проблематикой, не привязанной столь тесно к сугубо техническим факторам.

В частности, заслуживает специального обсуждения мощное преобразующее влияние цифры на процессы коммуникации в литературе, живописи, музыке и иных областях художественной культуры, где «новые технологии, связанные с цифровизацией, стимулируют новые возможности в искусстве, зачастую неожиданным способом формируя творческие открытия и совершенно по-новому определяя семиотические смыслы ее восприятия»³. Цифра, таким образом, начинает опосредствовать различные аспекты презентации и саморепрезентации человеческой личности в контексте разнообразных дискурсивных практик, объединяющих вербальный, художественную, правовую, политическую и иные виды коммуникации, что представляется отнюдь не случайным. Ведь все перечисленные виды знаковой коммуникации объединяются тем, что процесс знакопорождения непрерывно связан в них с порождением, восприятием и усвоением культурных смыслов, выполняющих конституирующую, регулятивную, воспитательную и иные функции, которые в своей совокупности обеспечивают непрерывность любой культурной традиции.

Иными словами, рассмотрение трансформации правовой реальности и, следовательно, решение проблемы ее грядущих перспектив должны осуществляться сквозь призму представлений о смене типов научной рациональности, являющейся одной из движущих сил, а на высокой ступени развития правового мышления — важнейшей движущей силой развития правового, политического и иных социальных порядков. В рамках данной идеи правовая традиция предстает перед нами как непрерывный ряд, последовательность творческих изменений, порожденных динамикой типов рациональности. Причем суть таких изменений может быть описана при помощи ламарковской

¹ О методологическом значении принципа недопустимости умножения сущностей (бритвы Оккама) см., в частности: *Эпштейн М. Н.* Бритва Оккама и аксиоматика человеческого опыта. Проблема сокращения/умножения сущностей в современном контексте. Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии, 2020. № 2 (8). С. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.2.125>

² См. подробнее: *Бакланов И. С., Пелевин С. И.* Технологии и технологическое сознание в эволюции постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу. Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2020. № 1. С. 60–67. EDN: JGHFIP

³ *Махлина С. Т.* Семиотика цифровизации в музыке. *Studia culturae*, 2023. № 57. С. 62. EDN: BQVITI

эволюционной модели (имеющей большой эвристический потенциал при объяснении процессов социокультурного, в частности, политико-правового развития)⁴, а именно — стадийной утратой развивающейся системой исходно присущих ей признаков и приобретением новых признаков, а также закреплением этих последних под влиянием условий внешней по отношению к данной системе среды⁵. Очевидно, что мышление и присущий мышлению тип рациональности представляет собой важнейший из действующих факторов, синтетически объединяющий в себе все прочие факторы.

Эволюция мышления в целом и правового мышления в частности проходит последовательные стадии, обладающие системой взаимосвязанных сущностных характеристик, проявляющих себя на различных уровнях юридической коммуникации, начиная от договорных обязательств и иных правовых отношений и заканчивая законодательством, а также развернутыми доктринальными текстами, в которых находят свое осмысление и обобщение конкретные фактические обстоятельства, субъективные права и обязанности, нормы и формы права, образующие структуру правопорядков на соответствующем этапе его исторического развития. Безусловно, было бы ошибкой полагать, что эта структура представляет собой единое, беспробельное, внутренне противоречивое целое, все элементы которого подчинены единой логике, основанной на постулатах чистого практического разума, если пользоваться терминологией Иммануила Канта.

Правопорядок, равно как и конкретный стадийно-исторический тип права, определяющий базовые характеристики последнего, представляет собой сложное диалектическое единство нередко противоречащих друг другу признаков. Причем одни из таких признаков наследуются от стадийно предшествующих правопорядков и свидетельствуют о наличии устойчивой традиции, тогда как другие, складываясь в качестве ответа на актуальные вызовы современности, служат предвестием перехода системы к качественно новому состоянию, закрепляемому уже на последующих этапах ее эволюции. Тем не менее, благодаря синтезирующей работе правового мышления, опирающегося на исторически присущий ему тип научной рациональности, вся эта сложная и внутренне противоречивая совокупность разнородных элементов приводится к общему знаменателю, позволяющему на ее основе сформировать идеальный тип права, выступающий отправной точкой на пути достижения определенности в сфере правопознания и правопонимания⁶.

Следует, разумеется, отдавать себе отчет в условности любого идеального типа, обладающего известной вторичностью по отношению к многообразию конкретных жизненных явлений. Вот почему нельзя не признать правоты Д. Ю. Полдникова, по мнению которого, «идеальные типы не существовали в действительности и используются, прежде всего, как отправная точка исследования, как прием открытия нового знания о реальных явлениях»⁷. Вместе с тем, учитывая сконструированность феноменов правовой реальности⁸, каждый из которых может рассматриваться в качестве текста, сопряженного с разнообразными смысловыми связями с иными текстами в рамках интертекстуального пространства правопорядка⁹, можно сделать вывод о том, что идеальный тип как смыслообразующая структура не только проистекает из эмпирической «субстанции» правовых порядков, но и организует, конструирует правопорядки способом, единственно возможным на данном этапе правовой эволюции или правовой традиции, что, на наш взгляд, значит одно и то же.

Так, например, право собственности, занимающее одно из центральных мест в структуре любого правопорядка, может опосредствоваться, в зависимости от специфики правовой и общей культурной коммуникации, любыми семиотическими средствами. Речь идет о ритуальных действиях, изначально могущих иметь невербализованную форму, индексальных и иконических словесных знаках, указывающих на конкретные объекты эмпирической реальности (такие, прежде всего, как *res species* и *res corporales*, то есть индивидуально-определенные телесные вещи, если пользоваться терминологией, применявшейся еще римскими юристами), наконец, о знаках-символах, фиксируемых на письме и обладающих, подобно любому письменному тексту, признаками общезначимости и формальной определенности. Но, обладая текстуальной знаковой формой, право собственности, подобно любому иному субъективному праву, само является знаком, поскольку обладает семиотической структурой, включающей в себя два измерения, а именно субъектно-объектное, представляющее собой коммуникацию индивида с принадлежащей ему вещью (также имеющей семиотическую природу и представляющую собой социальный конструкт), и intersubъективное, выражающее коммуникацию индивидов по поводу обладания вещами.

⁴ См.: Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 42.

⁵ См.: Разуваев Н. В. Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира. Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2. С. 18. EDN: IRMAQE

⁶ См. подробнее: Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Проблема определенности правопознания (в контексте эволюции юснатурализма). Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. № 3 (87). С. 26–32. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-3-26-32>

⁷ Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права: учебник. В 2 т. Т. I. Правовые традиции древности и Средневековья. М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. С. 26. <https://doi.org/10.12737/2037407>

⁸ См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 105. EDN: QSSDIV

⁹ См. подробнее: Поляков А. В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее / Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 323.

Таким образом, право собственности как субъективное право обладает внутренней и внешней формами, присущими всякому культурному тексту, при этом посредством общеправового контекста оно тем или иным образом связано с нормами права, регулируемыми отношения собственности. Причем эти нормы также имеют внешнюю словесную или иную знаковую форму, во-первых, и обладают внутренней семиотической формой постольку, поскольку являются знаково-символическими феноменами (текстами) по своей сущности, во-вторых. Нормы права и субъективные права могут быть различным образом связаны между собой в структуре правового порядка: не всегда субъективное право имеет первичный по отношению к норме характер в синхронном измерении, хотя в диахронной ретроспективе именно субъективное право предшествует норме, представляющей собой результат законодательной, судебной, доктринальной или иной типизации субъективных прав. Указанное обстоятельство позволяет делать вывод о том, что в историческом плане, в рамках той или иной культурной традиции, право, как и язык, представляет собой не «эргон», а «энергию», воплощающую духовную сущность человека как действующего и обладающего способностью к общению существа¹⁰.

Подобно языку, право имеет двойственную природу, представляя собой, с одной стороны, творческую деятельность, развертывающуюся в пространствах жизненного мира участников правовой коммуникации, и, с другой стороны, упорядоченную совокупность (систему) знаков, конструирующих правовую реальность, а также ее отдельные феномены¹¹. В зависимости от исходных идейно-мировоззренческих установок, господствующих в той или иной культуре и правовой традиции, а в конечном счете от типа рациональности, выступающей необходимой предпосылкой идеально-типического конструирования правовой реальности, главенствующую роль в этой последней начинает играть либо активное творческое начало, выражающее в себе духовную свободу человека, либо объективированные структуры и иные элементы правовой материи, обладающие обязательной силой для всех представителей правового сообщества.

Вот почему парадигмы научной рациональности, выступающие необходимой основой правового мышления, определяют сущностные характеристики правовой реальности на том или ином этапе эволюции права. При этом смена типов рациональности носит столь радикальный характер, что воспринимается современниками в качестве настоящего культурного переворота, значение которого ощущается во всех без исключения областях культурной деятельности, включая деятельность правовую¹². Ситуации такого переворота наблюдались неоднократно в рамках западной традиции права, причем первая и самая ранняя из них может быть датирована рубежом VI и V вв. до н. э., когда происходит распад ассоциативно-образного (мифологического) правового мышления и формирование доклассической рациональности, нашедшей свое наиболее завершенное воплощение в римской юриспруденции, а также в трудах средневековых западноевропейских и византийских юристов. Результатом второго переворота становится формирование классического типа рациональности в XVI–XVII вв., повлекшего за собой появление современных (модернистских) правопорядков, национальных правовых систем и правовой науки Нового времени, ориентированной на картину мира, методологию и теоретические результаты точных и естественных наук, длительное время являвшихся эталоном познавательной деятельности для смежных научных областей, включая юриспруденцию, ярким свидетельством чему являются работы основоположников современной юриспруденции, таких, как Жан Боден и Гуго Гроций.

В настоящее время мы переживаем третью смену научной рациональности, а именно переход от классического к постклассическому типу правопознания и правопонимания. Не секрет, что во многих областях духовной жизни этот переход начался, а кое-где и завершился, значительно раньше, а именно в середине XX в., если не в конце XIX в. Запоздавшее развитие правовой культуры и права, отчасти «застывших» в архаике и модерне, порождает серьезные кризисные явления, к числу возможных путей преодоления которых относится активное развитие новых способов коммуникации и новых знаковых форм при сохранении универсальной ценностной основы правового дискурса. Очевидно, что, как и на прежних витках развития, смена типов научной рациональности не может не стимулировать создание новых доктрин, залог жизнеспособности и продуктивности которых видится нам в творческом осмыслении всего многообразия идей, созданных предшественниками¹³, прежде всего, классического юснатурализма и различных версий социологического правопонимания, которые способны стать краеугольным камнем для формирующегося на наших глазах постклассического правопонимания.

¹⁰ Как писал немецкий языковед В. Гумбольдт: «Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken). Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» (Гумбольдт В. фон. О различии строения естественных языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 75).

¹¹ Подробнее о двойственной природе языка см.: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1930. С. 14 и след.

¹² См. об этом: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. EDN: RTQMIN

¹³ Именно сохранение и приумножение в ходе неизбежной эволюции всего богатства культурного наследия являются важной чертой традиции, в том числе традиции правовой. Этой присущей культуре способности транслировать в стремительном потоке времени традиционные ценности, обеспечивая тем самым преемственность и непрерывность их восприятия из поколения в поколение, посвящено сочинение В. Я. Брюсова, носящее выразительное название «Учители учителей». См.: Брюсов В. Я. Учители учителей: Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение (Египет, Эгейя и Атлантида). М.: Изд-во Т8, 2018.